ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Б. В. Андрианов

К ИЗУЧЕНИЮ АГРОЭТНОГРАФИИ

Статья Г. Г. Громова и Ю. Ф. Новикова, посвященная агроэтнографическим исследованиям, положила начало широкой дискуссии[1]. Авторы статьи затронули некоторые малоразработанные разделы агроэтнографии и критически подошли к выводам и реконструктивным схемам, в которых вопросы о характере этнокультурных традиций в земледелии решались нередко априорно, без достаточно серьезных доказательств.

В своей статье Г. Г. Громов и Ю. Ф. Новиков попытались выявить факторы, определяющие развитие и дифференциацию типов традиционных пахотных орудий. Такими факторами, по их мнению, являются только социально-экономические и физико-географические условия. Авторы справедливо связывают особенности конструкции земледельческих орудий с различными системами обработки почвы[2]. Однако, по мнению одного из участников дискуссии, чешского этнографа Я. Крамаржика, корреляция между географической средой и системами земледелия, с одной стороны, и конструкцией пахотных орудий — с другой, хотя и существует, все же носит более общий характер, и тут нельзя, по его словам, «исключить влияния этнических процессов, как и местных производственных традиций»[3].

Совершенно ясно, что в земледельческом производстве, системах земледелия, типах и формах орудий труда аккумулирован огромный исторический опыт народов разных эпох. И для его изучения необходимо содружество разных специалистов, в том числе (как правильно подчеркнули Г. Г. Громов и Ю. Ф. Новиков) и специалистов в области агротехники. Впрочем, к этому следует добавить, что круг исследователей истории земледелия непрерывно расширяется с внедрением в исторические науки (особенно в археологию и этнографию) количественных и качественных методов естественных наук[4]. Многие вопросы ис-

[1] Г. Г. Громов, Ю. Ф. Новиков, Некоторые вопросы агроэтнографических исследований, «Сов. этнография» (далее — СЭ), 1967, № 1; Н. Н. Чебоксаров, Я. В. Чеснов, Некоторые проблемы агроэтнографии Юго-Восточной Азии, СЭ, 1967, № 3; Л. М. Сабурова, По поводу статьи Г. Г. Громова и Ю. Ф. Новикова «Некоторые вопросы агроэтнографических исследований», СЭ, 1967, № 6; А. А. Шенников, Распространение животноводческих построек у народов Европейской России (к дискуссии об агроэтнографии), СЭ, 1968, № 6; В. М. Суринов, К определению этнических традиций в земледелии, СЭ, 1971, № 3; А. С. Бежкович, Еще раз об агроэтнографических исследованиях, СЭ, 1971, № 5; Я. В. Чеснов, Социально-экономические уклады и этнические традиции в агроэтнографии, СЭ, 1972, № 4; А. А. Шенников, Необходимые разъяснения, СЭ, 1973, № 4; Я. Крамаржик, Некоторые замечания в связи с дискуссией по аграрной этнографии, СЭ, 1974, № 3; А. В. Чернецов, К изучению генезиса восточнославянских пахотных орудий, СЭ, 1975, № 3.

[2] Г. Г. Громов, Ю. Ф. Новиков, Указ. раб., стр. 81, 82.

[3] Я. Крамаржик, Указ. раб., стр. 73.

[4] См. Б. А. Колчин, Археология и естественные науки, «Археология и естественные науки». М., 1965, стр. 7—26.

тории земледелия и земледельческих орудий решаются теперь силами ученых разных научных дисциплин — археологов и этнографов, палеоэтноботаников, генетиков и агрономов, геоморфологов, почвоведов и историков техники[5], даже специалистов по применению аэрометодов в археологии[6].

Г. Г. Громов и Ю. Ф. Новиков справедливо ратуют за дальнейшую специализацию в области аграрной этнографии и за более широкое использование агротехнических знаний. Но они напрасно, как мне представляется, противопоставляют «характеристику хозяйственного быта этнографических общностей и групп» этнокультурной характеристике ареалов распространения отдельных видов и типов земледельческой техники[7].

По мнению авторов, «трудности технического анализа» изучаемых явлений заставляют историков и этнографов уделять «большее внимание» второму аспекту. Это неверно. Огромный интерес этнографов к территориальным аспектам распространения тех или иных типов орудий труда объясняется не «трудностями» познания «хозяйственного быта», а задачами исторической этнографии, как раздела исторической науки — изучения сложной картины развития земледелия в разных странах и у разных народов мира.

Г. Г. Громов и Ю. Ф. Новиков весьма скептически оценивают современные успехи в области изучения истории земледелия[8]. Они утверждают, что у «этнографов-аграрников» отсутствует общий подход «к пониманию основных процессов в истории земледелия»[9].

Так ли уж безнадежно обстоит дело? Думаю, что нет. В решении отдельных частных проблем в любой науке могут быть разногласия. Есть немало спорных вопросов и в агроэтнографии. Однако успехи исторической науки в целом (включая историческую этнографию) в области изучения вопросов происхождения и развития земледелия и земледельческих орудий бесспорны.

Г. Г. Громов и Ю. Ф. Новиков сосредоточили свое внимание почти исключительно на пахотных орудиях. По мнению Я. Крамаржика, они «сделали слишком общие выводы, перенеся их и на другие орудия. Необходимо подчеркнуть, что пахотное орудие было сложным, на него оказывал влияние уровень производственной техники в гораздо большей мере, чем на остальные земледельческие орудия. Поэтому и существует столько видов, типов и форм пахотных орудий»[10]. Уже более века в этнографии развивается особая область исследований (в Германии она получила название «Pflugforschung»). Существует огромнейшая литература; в ней много ценных капитальных исследований, но и немало противоречивых спекулятивных концепций националистического толка, которым, по словам Я. Крамаржика, «уже давно не должно быть места в подлинной науке»[11].

Широко известны капитальные монографии Л. Роу, П. Лезера, Е. Верта, А. Одрикура и М. Деламарра, основанные преимущественно на историко-этнографических материалах. Сравнительно недавно ста-

---

[5] См.: P. J. Ucko and G. W. Dimbleby (eds.), The domestication and exploitation of plants and animals, London, 1969; E. G. Higgs (ed.), Papers in economic prehistory, Cambridge, 1972; Jane M. Renfrew, Palaeoethnobotany. The prehistoric food plants of the Near East and Europe, N. Y., 1973; С. А. Семенов, Происхождение земледелия, Л., 1974, и др.

[6] R. Chevallier, Les applications de la photographie aérienne aux problèmes agraires, «Etudes Rurales», 1964, № 13—14.

[7] Г. Г. Громов, Ю. Ф. Новиков, Указ. раб., стр. 80, 81.

[8] Там же, стр. 80.

[9] Там же.

[10] Я. Крамаржик, Указ. раб., стр. 72.

[11] Там же, стр. 74.

ли появляться работы, авторы которых привлекают и археологические данные [12].

В СССР под руководством С. А. Семенова комплексные исследования с моделированием древних процессов обработки земли ведутся в лаборатории Института археологии АН СССР. Из зарубежных центров по изучению пахотных орудий следует отметить Международный секретариат для исследований земледельческих орудий (издающий специальный журнал «Tools and Tillage» под редакцией проф. А. Стеенсберга, А. Фентона и Г. Лерхе).

Успехи археологической науки способствовали решению ряда важных вопросов развития земледельческой техники. К сожалению, Г. Г. Громов и Ю. Ф. Новиков не затронули в своей статье исторического аспекта разбираемого ими вопроса.

Причина кроется, вероятно, в их методологических позициях — отрицательном отношении к историко-сравнительным и формально-типологическим методам исследования истории земледельческих орудий (характерным для археологии), что вызвало справедливую, на мой взгляд, критику не только со стороны этнографов, но и археологов, изучающих историю земледельческих орудий труда по археологическим материалам [13].

Две родственные исторические науки — этнография (исследующая культурно-бытовые особенности всех народов мира в их историческом развитии) и археология (изучающая вещественные исторические источники — остатки материальной культуры), дополняя друг друга, позволяют реконструировать хозяйственный и общественный быт давно исчезнувших народов, проследить путь развития культурных явлений, в том числе и земледельческих навыков, орудий труда и т. п.[14]

Как правильно отметил С. А. Семенов, с помощью археологических источников можно реконструировать главные этапы динамики исторического развития земледелия, в то время как этнографические и письменные материалы раскрывают многие стороны и детали технологии обработки почвы, региональные особенности орудий труда, характер сельскохозяйственных культур, календарные земледельческие циклы и многое другое [15].

Фиксируемое этнографами территориальное распространение различных типов земледельческих орудий — результат сложного процесса, развивавшегося во времени и пространстве, в разных этнокультурных средах, в тесной связи с конкретной историей отдельных народов. Именно поэтому земледельческие орудия наряду с другими элементами культуры дают богатейший материал для реконструкции исторического процесса развития хозяйства в широких территориальных рамках. Следуя заветам выдающегося историка земледелия А. Декандоля, отдававшего предпочтение «археологическим документам», современные историки земледельческой техники и земледелия сумели приблизиться к решению важнейших вопросов происхождения и развития земледелия [16].

---

[12] A. Steensberg, North West European ploughtypes of prehistoric times and the Middle Ages, «Acta Archaeologica», Bd VII. 1937; B. Brentjes, Untersuchungen zur Geschichte des Pfluges, Bd I—III, «Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin-Luther-Universität», Jahrg. 2, Heft 10, Jahrg. 3, Heft 1—2, Halle-Wittenberg, 1953—1954; С. А. Семенов, Указ. раб., и др.

[13] А. В. Чернецов, Указ. раб., стр. 73; Ю. А. Краснов, Древнейшие упряжные пахотные орудия, М., 1975, стр. 10—21.

[14] Б. В. Андрианов, Н. Н. Чебоксаров, Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования, СЭ, 1972, № 2, стр. 3; Ю. В. Бромлей, Этнос и этнография, М., 1973, стр. 240.

[15] С. А. Семенов, Указ. раб., стр. 8.

[16] R. J. Braidwood, The agricultural revolution, «Man and Ecosphere», San Francisco, 1971; K. V. Flannery, The origins of agriculture, «Annual review of anthropology», vol. 2, 1973, p. 271—310; Stuart Struever (ed.), Prehistoric agriculture, N. Y.,

Новые археологические и палеоэтноботанические исследования подтвердили в своих основных чертах полицентрическую концепцию зарождения земледелия Н. И. Вавилова. В то же время они выявили древние «пути» зерна, навыков земледелия, орудий труда и разведения одомашненных животных за пределами первоначальных древнейших очагов. К числу этих очагов относятся: переднеазиатский и восточносредиземноморский (IX—VII тысячелетия до н. э.), индокитайский (VII—VI тысячелетия до н. э.), ирано- и среднеазиатский (VI—V тысячелетия до н. э.), нильский (V—IV тысячелетия до н. э.), индийский (IV—II тысячелетия до н. э.), индонезийский, китайский, мезоамериканский и перуанский (III—I тысячелетия до н. э.) [17].

Дальнейшее распространение навыков земледелия — сложный историко-культурный процесс, который нельзя рассматривать как прямолинейную диффузию, что делал К. Зауэр [18]. В каждом самостоятельном ареале земледелия существовали свои отдельные и разновременные локальные очаги, где в ходе развития земледелия последовательно и постепенно развивались сложные процессы приспособления местных растительных и земельно-водных ресурсов [19].

Исследования археологов позволили также сделать более или менее обоснованные выводы о древнейших типах пахотных орудий, центрах их возникновения, а также о путях их распространения и основных этапах развития [20].

Так, к весьма интересным выводам пришел археолог Ю. А. Краснов [21]. На основании обширного археологического и иконографического материала он сделал вывод о генетической связи трех самостоятельных типологических групп пахотных орудий (двухрукояточного кривогрядильного рала; однорукояточного прямогрядильного рала и рал грядильных и полозных) с тремя древнейшими земледельческими очагами: переднеазиатским (с центром в Древнем Двуречье), среднеазиатским и средиземноморским [22]. Распространение однорукояточных прямогрядильных рал фиксируется Ю. А. Красновым на огромной территории в эпоху бронзы и раннего железа — от Восточной Азии до Западной Европы. Весьма важно отметить, что древний ареал однорукояточных прямогрядильных рал с полозом, без стойки в значительной мере совпал с распространением традиционного среднеазиатского пахотного орудия, известного в XIX — начале XX в. в Хорезме под названием «кунде», в других районах «омач» [23]. Этот тип пахотного орудия зафиксирован Ю. А. Красновым также в Индии и Юго-Восточной Азии, что, безусловно, отражает, сложный историко-культурный процесс распространения традиций земледелия из более древних земледельческих очагов в периферийные области.

При этом следует заметить, что генезис любого традиционного земледельческого орудия — сложный исторический процесс, в котором переплелись самые различные традиции и технические навыки [24]. Возь-

1971; Б. В. Андрианов, Роль перехода к земледелию в историческом процессе, в сб. «Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса», М., 1972.

[17] Б. В. Андрианов, Древние оросительные системы Приаралья (в связи с историей возникновения и развития орошаемого земледелия), М., 1969, стр. 46—51.

[18] C. O. Sauer, Agricultural origins and dispersals, N. Y., 1952.

[19] Б. В. Андрианов, Древние оросительные системы Приаралья..., стр. 42—93, 229—231.

[20] A. Steensberg, A classification of ploughing implements before c. 1000 A. D. A functional outline, Copenhagen, 1966; B. Brentjes, Указ. раб.

[21] Ю. А. Краснов, Указ. раб., стр. 175—179.

[22] Там же, стр. 180.

[23] Б. С. Гамбург, К характеристике орудий земледельцев Ферганской долины и Ташкентского оазиса конца XIX — первой четверти XX в., сб. «Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана», М., 1975, стр. 107—113.

[24] Ср. С. А. Семенов, Указ. раб., стр. 226—236; см. также Я. Крамаржик, Указ. раб., стр. 74.

мем, к примеру, древнее пахотное орудие в Японии «кара-суки», известное как обрядовый «плуг», использовавшийся в обряде «первой борозды» японскими императорами в VIII в.[25] Появление этого орудия на Японских островах исследователи объясняют этническими традициями и тесными этнокультурными связями между южнокорейским народом «кара» или «кая» и обитателями о. Кюсю. Еще в середине I тысячелетия до н. э. на этот остров проникла из Южной Кореи культура «яёи», включающая целый хозяйственно-культурный комплекс — рисосеяние, пахотное орудие, навыки разведения крупного рогатого скота, коневодство и гончарный круг. Весьма важно отметить, что древние формы пахотного орудия постепенно видоизменялись; это было обусловлено появлением зерновых культур пшеницы и ячменя на Японских островах в V—VI вв. н. э., а также приспособлением железного лемеха U-образной формы к более жестким и засоренным почвам Японии[26]. Таким образом, в истории развития древнего японского пахотного орудия большую роль сыграли как этнокультурные факторы, так и природно-технологические.

Изучение региональных особенностей земледельческих орудий Восточной Европы помогло установить сложные пути развития орудий и роль самых различных факторов, влиявших на трансформацию конструктивно-типологических особенностей[27].

Участник дискуссии А. В. Чернецов попытался, опираясь на типологические ряды, проследить пути развития восточнославянских пахотных орудий. По его словам, «русская соха и украинское рало без полоза восходят к известному в Центральной и Северной Европе ралу с высоко расположенным центром тяжести»[28]. Ему предшествовали в свою очередь прямогрядильные рала без полоза. Развитие пахотных орудий Восточной Европы, в том числе и орудий, распространенных у восточнославянских народов, было обусловлено как этнокультурными традициями, так и природно-технологическими факторами. В статье «Генезис плуга и этнография» Ю. Ф. Новиков обстоятельно рассмотрел природно-технологические факторы[29]. Обоснован вывод о том, что при обработке засоренных и лесных почв широко использовались орудия с высоким расположением центра тяжести. Таковы, по его словам, «русские сохи, распространенные в Восточной Европе орудия сошного типа»[30]. Весьма убедителен в этой статье анализ механики пахотных орудий. Однако категорическое исключение Ю. Ф. Новиковым этнокультурных факторов из комплекса причин, обуславливавших все разнообразие видов и форм пахотных орудий, в данной статье недостаточно аргументировано[31].

О значении этнокультурных традиций в распространении пахотных орудий в Восточной Европе может свидетельствовать, например, тот факт, что ареал русской сохи в XVI в. стал шире, соха продвинулась к югу — на Украину, в лесостепь вместе с русскими переселенцами[32].

Позже конструкция сохи под влиянием местных природных условий претерпела функциональные изменения[33]. В новой, видоизмененной

[25] J. Iinuma, The Ne-No-Hi-Kara-Suki of Shôsôin, «Tools and Tillage», vol. 1, № 2, 1969, p. 105—117.

[26] Там же, стр. 111—113.

[27] См.: B. Brentjes, Указ. раб.; его же, Pflüge mit rissähnlicher Sterz-Zugbaumkonstruction, «Beiträge zur Frühgeschichte der Landwirtschaft», III, Berlin, 1957; Д. В. Найдич-Москаленко, О происхождении и классификации русских пахотных орудий, СЭ, 1959, № 1.

[28] См. А. В. Чернецов, Указ. раб., стр. 81.

[29] Ю. Ф. Новиков, Генезис плуга и этнография, СЭ, 1963, № 2.

[30] Там же, стр. 105.

[31] Там же, стр. 111.

[32] А. В. Чернецов, О периодизации ранней истории восточнославянских пахотных орудий, «Сов. археология», 1972, № 3, стр. 147.

[33] Ю. Ф. Новиков Указ. раб., стр. 110.

форме сохранились и определенные традиционные черты, отличные от особенностей пахотных орудий, распространенных на Украине[34].

Все эти факты говорят о сложности исторического развития каждого типа пахотного орудия[35]. Трансформация и дифференциация отдельных форм определялись многими причинами, среди которых немалую роль подчас играли и этнокультурные традиции.

Г. Г. Громов и Ю. Ф. Новиков в своей статье довольно подробно останавливаются на соотношении конструктивных и функциональных особенностей пахотных орудий и делают ряд весьма интересных выводов. Однако трудно согласиться с их тезисом о том, что, «однажды возникнув в рамках определенной системы обработки почвы, почвообрабатывающие орудия продолжают развиваться только в пределах этой системы»[36]. Как свидетельствует история земледелия, смена пахотных орудий при изменении системы земледелия не всегда была обязательна. Так, пахотные орудия одного и того же типа (например, рала) применялись и при переложной и залежной системах, при трехполье и двухполье, в поливном земледелии[37].

Центральным вопросом дискуссии был вопрос о роли этнографической специфики и этнических традиций в сельскохозяйственной технике. Еще в ходе дискуссии негативное отношение Г. Г. Громова и Ю. Ф. Новикова к роли этнических традиций в истории земледелия вызвало острую полемику. Участники дискуссии заняли как бы «полярные», взаимоисключающие позиции: Г. Г. Громов, Ю. Ф. Новиков и А. А. Шенников отрицают какую-либо связь развития различных типов и форм пахотных орудий и животноводческих построек с этнокультурными традициями[38], тогда как другие авторы — Н. Н. Чебоксаров, Я. В. Чеснов, Л. М. Сабурова, В. М. Суринов, А. С. Бежкович, а также Я. Крамаржик — приводят в своих статьях многие примеры этнической обусловленности ряда конкретных форм земледельческой культуры и настаивают на необходимости учета этнических традиций при объяснении тех или иных фактов истории и географии земледельческого производства.

Точка зрения Г. Г. Громова, Ю. Ф. Новикова и А. А. Шенникова предельно ясна и категорична: сельскохозяйственные орудия — это орудия труда, поэтому они лишены этнической специфики.

С такой крайней позицией трудно согласиться. В материальной культуре каждого народа (этноса) тесно переплетаются явления, свойственные только ему одному (или даже отдельным локальным группам), с этнографическими явлениями, распространенными чрезвычайно широко, у многих народов, на огромных территориях. Именно к таким широко распространенным этнокультурным явлениям и относятся навыки земледелия и земледельческие орудия, развитие которых во времени заняло многие столетия, а в пространстве — целые страны.

О соотношении общекультурных и этнических традиций в сельскохозяйственном производстве писал также А. А. Шенников. По его словам, «всякая этническая традиция в культуре есть культурная тради-

---

[34] А. В. Никитин, Русское кузнечное ремесло XVI—XVII вв., «Свод археологических источников», М., 1971, стр. 36, 37, 55 и др.

[35] См., например: F. Šach, K vývoji slovenského orebního náradí na základě materiálu z muzejních sbírek, «Československa Etnografie», 3, X, Praha, 1962.

[36] Г. Г. Громов, Ю. Ф. Новиков, Указ. раб., стр. 82.

[37] Ю. А. Краснов, Указ. раб., стр. 16, 17.

[38] См. также: Ю. Ф. Новиков, Указ. раб., стр. 101; Г. Г. Громов, Ю. Ф. Новиков, Указ. раб., стр. 92; А. А. Шенников, О понятии «этнографический комплекс», «Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР», вып. 3, Л., 1967, стр. 39—41, 55; его же, Распространение животноводческих построек у народов Европейской России..., стр. 105.

ция, но далеко не всякая культурная традиция есть традиция этническая»[39].

Против такого тезиса в общей форме трудно возразить. Корень разногласий и недопонимания кроется, прежде всего, в различном толковании этнических традиций. Одни рассматривают этнические традиции лишь как показатели межэтнических различий, как особенности, отличающие друг от друга народы (этносы); другие же включают в этнические традиции и многие особенности культуры, объединяющие ряд этносов.

А. А. Шенников в специальной статье, посвященной «этнографическим комплексам», призывает полностью отказаться от признания этнической специфики в земледельческих традициях[40]. В статье, опубликованной в ходе дискуссии по агроэтнографии, он пишет: «В данном случае мы имеем дело с группами населения, связанными с определенными физико-географическими ландшафтами и находящимися на определенном уровне экономического развития»[41].

Подобный подход характерен также для Г. Г. Громова и Ю. Ф. Новикова, объясняющих развитие тех или иных форм технологии и техники земледелия причинами, «которые отражают лишь устойчивое бытование культурной, а не этнической традиции у тех или иных групп населения, традиции, являющейся формой закрепления рациональной практической деятельности человека»[42].

Что же это за группы населения и культурные традиции, бытующие на обширных пространствах?

А. А. Шенников, Г. Г. Громов и Ю. Ф. Новиков ограничиваются лишь констатацией факта. А ответ на поставленный вопрос очень прост, если обратиться к теоретической этнографии и рассмотреть проблему несколько шире, не споря по частностям.

Этнографическая наука имеет дело с этнокультурными комплексами различного плана. Это могут быть и локальные культуры и широкие пространственные макроструктуры[43]. Но в любом случае необходим историко-этнографический и в то же время пространственно-временной подход.

Такой подход к явлениям традиционно-бытовой культуры был, как известно, разработан в советской этнографии С. П. Толстовым, М. Г. Левиным и Н. Н. Чебоксаровым, создавшими концепцию «хозяйственно-культурных типов» и «историко-этнографических областей».

Можно напомнить, что понятие «хозяйственно-культурный тип» — это исторически сложившийся комплекс особенностей хозяйства и культуры, характерный для различных по происхождению народов, но обитающих в сходных географических условия и находящихся на близком уровне социально-экономического развития.

Хозяйственно-культурная и историко-этнографическая группировка этносов позволяет объективно выявить историко-генетические связи тех или иных ареалов явлений культуры (в данном случае типов пахотных орудий) с территориальными группами населения. Концепция советских этнографов дает возможность сочетать ареальные исследования этносов и традиционно-бытовых культур, учитывать как локально-этнические, так и широкие хозяйственно-культурные общности, в среде которых и бытуют сходные типы земледельческих орудий. Если мы возьмем в качестве исходных структурных единиц не отдельные

---

[39] А. А. Шенников, Распространение животноводческих построек у народов Европейской России..., стр. 105; см. также Я. Крамаржик, Указ. раб., стр. 73.

[40] А. А. Шенников, О понятии «этнографический комплекс», стр. 39.

[41] См. А. А. Шенников, Распространение животноводческих построек у народов Европейской России..., стр. 105.

[42] Г. Г. Громов, Ю. Ф. Новиков, Указ. раб., стр. 92.

[43] Ю. В. Бромлей, Указ. раб., стр. 18.

этносы, а их хозяйственно-культурные и историко-этнографические группировки, то станет ясно, что между подобными ареалами и ареалами типов земледельческих орудий возможны определенные корреляционные связи. Эти связи особенно заметны, если мы сопоставим пути развития земледелия и земледельческих орудий в границах крупных структурных единиц, например таких, как «историко-этнографические провинции» — Восточноевропейская, Африканская Тропическая, Юго-Восточноазиатская, Центральноазиатская и т. д.[44]

Можно сожалеть, что никто из участников дискуссии не использовал этих теоретических достижений советской этнографии. Ведь концепция «хозяйственно-культурных типов» и «историко-этнографических областей» хорошо объясняет несовпадение ареалов этносов и тех или иных хозяйственно-культурных явлений (в данном случае типов пахотных орудий). Следует также заметить, что традиционно-бытовые культуры разных народов часто отличаются друг от друга не просто отдельными деталями (на что особенно обращали внимание участники дискуссии), а прежде всего комплексами. Следует, безусловно, быть весьма осторожным в определении этнической специфики многих сторон материальной культуры, особенно земледельческих орудий. Видимо, не стоит говорить о «национальной основе сельскохозяйственных орудий», как это сделала Л. М. Сабурова в своей статье[45]. Не убеждают нас и ссылки А. С. Бежковича на Д. К. Зеленина, который писал о сохе как о «великорусском пахотном орудии»[46]. Говоря о распространенных, особенно в старой этнографической литературе, традиционных стереотипах «русская соха», «украинский плуг», «белорусское рало» и т. п., следует помнить о том, что каждый термин требует детального научного исследования и историко-генетического обоснования.

А. А. Шенников, ссылаясь на Г. Г. Громова и Ю. Ф. Новикова, делает вывод о том, что «эволюция сельскохозяйственной техники оказалась практически независимой от этнических традиций»[47]. А. А. Шенчиков замечает также, что средства труда из всех элементов материальной культуры «наименее зависят от этноса»[48].

Г. Г. Громов, Ю. Ф. Новиков и А. А. Шенников рассматривают социально-экономические и физико-географические условия в качестве чуть ли не единственных факторов, определявших развитие и дифференциацию типов пахотных орудий. Большинство участников дискуссии высказалось, однако, против такого жесткого противопоставления этнических традиций «естественно-географическим» и «социально-экономическим условиям». Ибо этнические традиции сами по себе — сложное историко-культурное явление, детерминированное социально-экономическими, географическими и многими другими факторами. Нельзя забывать также и того, что большая часть этнических особенностей, отличающих один народ от другого, имеет, как правило, относительный характер. «...Уже давно обращено внимание на то,— подчеркивает Ю. В. Бромлей,— что ни один из компонентов культуры не является непременным этнодифференцирующим признаком. В одних случаях главная роль в этом отношении принадлежит языку, в других — религии, в третьих — характерным чертам поведения и т. д. Не случайно все попытки выделить один непременный для всех случаев основной этнодифференцирующий признак оказываются обреченными на неудачу.

---

[44] См. Б. В. Андрианов, Н. Н. Чебоксаров, Историко-этнографические области (проблема историко-этнографического районирования), СЭ, 1975, № 3; их же, Опыт историко-этнографического районирования некоторых регионов Африки и Зарубежной Азии, СЭ, 1975, № 4.

[45] Л. М. Сабурова, Указ. раб., стр. 78.

[46] А. С. Бежкович, Указ. раб., стр. 30.

[47] А. А. Шенников, Распространение животноводческих построек у народов Европейской России..., стр. 105.

[48] Там же.

Это подчас служит основанием для игнорирования вообще культуры как носителя этнических свойств»[49]. Следует также учитывать, что ни один из элементов культуры полностью в своем территориальном распространении не совпадает с этносом. Всегда те или иные явления (в данном случае типы пахотных орудий) выходят за его пределы. В то же время совокупность элементов традиционной культуры достаточно ярко характеризует основное «ядро» этноса.

Изучение истории технического развития земледельческих орудий, развивавшихся на одной территории на протяжении многих веков, представляет не только научный, но и большой практический интерес и для современных инженерных решений. Это положение Ю. Ф. Новикова, прозвучавшее на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук, не вызывает возражений[50].

Исследования этнографов по агроэтнографии могут иметь, таким образом, и немалое практическое значение. Поэтому трудно согласиться с негативным отношением к деятельности этнографов и археологов в области истории земледельческих орудий и решения ряда агроэтнографических проблем.

TOWARDS THE STUDY OF AGROETHNOGRAPHY

The main significance of the discussion on problems of agroethnography lies in the fact that its participants have touched upon questions of importance for ethnography that far exceed the narrow limits of ethnographic studies of ploughing implements and of traditional agriculture. Among them is the principal question in the discussion: that of the role of ethnic specificity and of ethnic traditions in traditional agricultural technology. The point of view expressed by G. G. Gromov, Yu. F. Novikov and A. A. Shennikov is categorical: agricultural implements are labour tools and consequently possess no ethnic specificity. But it is difficult to agree with such an extreme thesis. The concept of «economic-cultural types» and «historical-ethnographic regions» known to ethnographical science makes it possible to discover areal links of types of labour tools and agricultural skills with economic-cultural or historical-ethnographic communities. These links between groups of peoples and types of agricultural implements are particularly noticeable if we compare the development of agriculture and agricultural implements within the boundaries of such broad structural units as historical-ethnographic provinces (the East European, the Central Asian, the East Asian etc.)

---

[49] Ю. В. Бромлей, Указ. раб., стр. 38.

[50] См. выступление Ю. Ф. Новикова на «Симпозиуме по аграрной этнографии», «Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук», т. XI, М., 1971, стр. 746—748.